

АЛЕКСАНДРА
ФЛИНТ

МОЛЧАЛИВЫЕ
СЕКРЕТЫ

Freedom. Искусство волшебства. Магические академии

Александра ФЛИНТ

Молчаливые секреты

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

Флинт А.

Молчаливые секреты / А. Флинт — «Эксмо», 2024 — (Freedom. Искусство волшебства. Магические академии)

ISBN 978-5-04-247379-1

Глубоко под улицами Парижа скрывается древняя тайна, оберегающая хрупкое равновесие мира: библиотека Мондиа, тайное царство, наполненное книгами, которые хранят память о судьбе человечества. Реми, однако, ничего об этом не знает. Она ведёт обычную жизнь, предпочитая проводить время в цветочном магазине своей сестры. Так продолжается до тех пор, пока Казимир не заходит в магазин, требуя волшебную шкатулку, которая, по его словам, находится у неё. Ведь она – последняя наследница Рипари, рода, который веками защищал библиотеку. И теперь она должна спасти Мондиа от разрушения. Но пока Реми и Казимир противостоят надвигающимся опасностям, их враги уже скрываются в тени, полные решимости навсегда уничтожить мир, каким мы его знаем...

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-247379-1

© Флинт А., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Плейлист	6
Пролог	7
Первая часть	12
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александра Флинт

Молчаливые секреты

Из всех миров, созданных людьми, книги – самый могущественный
Генрих Гейне

Посвящается М.

Не могу дождаться, когда прочитаю твою историю.

© Сибуль Е., перевод на русский язык, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Плейлист

Dernière danse – Indila
Chasing Cars – Snow Patrol
Nothing Is As It Seems – Hidden Citizens, Ruelle
Je te pardonne (fest. Sia) – GIMS, Sia
Pompei MMXXIII – Bastille, Hans Zimmer
In My Blood – Tommee Profitt, Fleurie
Hungry Hearts – Declan J Donovan
Luminary – Joel Sunny
RUNNING – NF
Way Beyond – Bastille
Up In Flames – Ruelle
Got It In You – BANNERS
Supermassive Black Hole – Muse
Rolling in the Deep – Adele
Fighter – The Score
Hit Sale – Therapie TAXI, Roméo Elvis
Hurts Like Hell – Tommee Profitt, Fleurie

Пролог

Пиренеи, 19 лет назад

Пушистые хлопья снега густым слоем падают с низко нависших туч. Они словно непроницаемая паутина покрывают практически все небо, поэтому сложно понять, что на дворе темная ночь. Не видно ни одной звезды, даже некогда такой светлой полной луны, а мир словно бы затаил дыхание, в то время как снежная буря бушует над отвесными склонами Пиренеев. Все это напоминает мне молчаливое предупреждение природы о том, что нельзя ехать дальше. Нельзя следовать по пути, который непременно приведет к точке невозврата. Осталось лишь это мгновение, это решение, которое меняет все и ничего после себя не оставит.

Я смотрю на свои замерзшие руки. Они слегка дрожат, как и наша слишком маленькая машинка, на которую постоянно обрушиваются, сотрясая ее, мощные порывы ветра. То, что мы вообще здесь находимся, – чистое безумие. Безрассудство в самой опасной форме. Нашему «Рено-Клио» уже почти пятнадцать лет, и он вряд ли предназначен для обычных поездок на дальние дистанции, не говоря уже об узких горных дорогах, по которым мы немилосердно гоним его. Но у нас есть только он, и это наш единственный шанс.

Я нервно заламываю руки и вглядываюсь во тьму. Желтоватый свет видавших виды фар с трудом про-нзает снег и мрак, и я не в первый раз задаюсь вопросом, не было ли все это огромной ошибкой. Правильное ли решение я приняла. Для нашего ребенка. Для нас. Для *них*. – Жанна.

Моего имени, произнесенного им с такой теплотой и нежностью, хватает, чтобы вырвать меня из сумбурных мыслей.

Взгляд карих глаз Андре не отрывается от извилистой дороги, и тем не менее я знаю, что он смотрит на меня. Рядом с ним я всегда чувствую, что меня видят. Все мои мысли, мои страхи. Это его необычная способность, подобной ей нет в этом мире. Мой муж видит больше, чем я, возможно, когда-либо смогу осознать. Именно поэтому он не стал задавать вопросы, когда я разбудила его и заставила уехать. Когда я лихорадочно упаковала вещи в две большие сумки и забрала наших детей из кроваток. Андре не задал ни единого вопроса, не потребовал объяснений, лишь заглянул мне в глаза и кивнул. Потому что он видел. Видел страх в моих глазах, срочную необходимость покинуть Париж. Ответы, которые я не могла ему дать.

Боже мой, еще никогда в своей жизни я так не боялась.

Я вспоминаю письмо с шестеренкой и вздрагиваю.

Вспоминаю то слово, и по моей коже бегут мурашки.

Я думаю о том, что это значит для моей маленькой девочки, и чувствую, как внутри меня все холодеет.

Страх.

Смертельный ужас.

Словно сам по себе мой взгляд падает на старую кожаную сумку, в которой скрыты запретные слова и маленькая золотая шестеренка. Постоянное напоминание о том, что я сделала. Напоминание об огромной ошибке, которую я когда-то совершила. Я бы все отдала, чтобы этой ночи не было, и в то же время мне бы не хотелось ничего менять. Потому что это бы означало, что я отказываюсь от моей доченьки, а я бы так никогда не поступила. Только через мой труп. Мне бы просто хотелось, чтобы обстоятельства были другими. Хотелось бы видеть другой мир, в котором не существует этих правил, несущих ей смерть.

– Жанна, – снова произносит Андре, и я сглатываю.

– Мне жаль.

Он качает головой и крепче сжимает руль, приближаясь к следующему повороту.

– Нам нужно развернуться. Опасно в такую снежную бурю продолжать подъем в горы.

Я оглядываюсь, смотрю на нашего двухлетнего сына Клемента и его маленькую сестру Женевьеву, которой едва исполнилось полгода. Оба спят на детских сиденьях и не чувствуют, как вокруг них трясется земля и насколько опасен наш побег из этого проклятого города.

«Мы не можем вернуться. Нет, учитывая то, что ждет нас там. Они знают о ней и убьют ее. Они всех нас убьют. Или сделают что-то еще хуже».

– Мы не можем вернуться, – в следующее мгновение я высказываю свои мысли. Голос охрип от непролитых слез, уже много часов душивших меня.

Андре притормаживает, и мое сердце начинает колотиться. Потом он останавливается посреди дороги, оставив работающий мотор, переключает машину на нейтральный режим и тихо чертыхается. Наверное, я еще никогда не слышала, чтобы он ругался. Ему это не идет, но соответствует всей этой ситуации. Всей этой проклятой ситуации, в которую я нас втянула.

– Я люблю тебя, Жанна, ты же знаешь. Люблю тебя так, что и словами не описать, и именно поэтому я не поеду дальше. Эта дорога нас убьет.

Глаза начинает щипать.

– Я понимаю, что многого не знаю о тебе и твоём прошлом. У тебя бесчисленное количество тайн от меня, и я никогда не просил объяснений, но прямо сейчас я молю тебя, Жанна, поговори со мной. Скажи мне хоть что-нибудь. И если не ради нас, то ради наших детей.

Я внутренне содрогаюсь. Пронизывающий страх сжимает когтями мои внутренности.

– Я не могу. Не могу тебе рассказать. Ты... ты просто должен мне верить. – Мой язык снова сворачивается тугим узлом, как только разговор заходит об этом. Об этой части моей жизни, которую я больше года назад оставила позади и которая теперь, спустя столько времени, снова охотится за мной. О том, что касается моей семьи и меня. Я верила, что смогу сбежать. Какой же наивной я была.

– Пожалуйста, поверь мне, Андре, я бы хотела тебе все рассказать, но я...

– Ты не можешь. – В его голосе не осталось тепла, слышится лишь холодная покорность, и это заставляет меня содрогнуться. Внезапно я чувствую страх по иной причине. Я не могу сделать это без него. Я слишком слаба. Возможно, так было всегда.

Будь храбрее. Будь смелее. Не бойся.

– Давай поедem дальше. Пожалуйста. Мы можем остановиться в следующей деревне и там провести ночь, только... не нужно возвращаться.

Он долго смотрит на меня, а тишину заполняют рокот старого мотора, работающего с перебоями, и шум ветра. Наконец Андре тихо вздыхает.

– Мы проехали последнее селение около часа назад. Давай вернемся туда и переждем бурю. Потом сможем все спокойно обдумать.

При одной только мысли о том, чтобы снова оказаться близко к Парижу, во мне все сжимается. Однако маленькая логическая часть меня, все еще не полностью поглощенная паникой, понимает, что Андре прав. Решение продолжить путь равнозначно самоубийству. Одно только то, что мы добрались сюда, не съехав с дороги, уже чудо, и я и так достаточно долго испытывала нашу удачу на прочность.

Я едва заметно киваю и беру Андре за протянутую руку. Наши пальцы переплетаются словно бы сами собой, и мое колотящееся сердце сразу же немного успокаивается.

– Все будет хорошо, Жанна. Все будет хорошо, пока мы вместе. Помнишь?

Из-за его слов мои губы дрогнули в улыбке. По-другому нельзя. Я снова киваю.

– Вместе.

– Вместе, – повторяет он, оставляет поцелуй на моих холодных пальцах, а потом снова берется за рычаг переключения передач, собираясь отвезти нас в безопасное место.

Мгновение я даже верю в это. В эту милую иллюзию, что мы все вместе сможем оказаться в безопасности. Что где-то там действительно есть что-то *хорошее*. Что Андре, Клемент,

Женевьева и я сможем начать все сначала, вдали от страха и ужаса, от этих проклятых слов, книг и тайн.

Вдали от *него*.

Это прекрасное мгновение, легкое мгновение.

Мгновение, которое нужно Андре, чтобы развернуть машину.

Мгновение, в которое моя слабая полуулыбка, в ответ на которую Андре улыбнулся, кажется настоящей. В груди разливается тепло, и давление ослабевает.

– Люблю тебя, – произношу я, положив руку на его бедро.

Андре легонько проводит пальцами по моей руке и открывает рот, однако слова так и не срываются с его губ. Потому что в следующую же секунду это легкое мгновение обрывается, словно пластинка, достигшая конца, и иллюзия разлетается на множество острых осколков.

Отделяя прежнее от грядущего.

Что-то со всей силы врывается в нашу машину, раздается пронзительный оглушающий треск, от которого взрывается голова, а мир вокруг нас превращается в водоворот из снега, тьмы и желтоватого света. Все кружится, пока я не перестаю понимать, где верх, а где низ. Пока не остается только красное, боль и шум. Стекло хрустит, металл трещит. Все это длится вечность, а возможно, и две. Я крепко зажмуриваюсь и кричу. Кричу, потому что слышу плач Клементы и Женевьевы. Кричу, потому что Андре не издает ни звука. Кричу, пока голос не срывается и не замолкает. Становится тихо. Так ужасно и окончательно тихо.

Я едва смею дышать – каждый вдох обжигает, как пламя, и кажется последним. Но я осторожно вздыхаю и открываю глаза. *Ради семьи*.

Сначала я замечаю, что закончился снег. И бури больше нет, ночь уже не мрачная, а наполнена мягким светом полной луны. И мне кажется, что я все выдумала. Опасность, все эти многочисленные перевороты машины, но потом я бросаю взгляд налево, где Андре с широко раскрытыми глазами висит на ремне безопасности. Смотрю назад, где Клемент неподвижно сидит на детском сиденье. Где Женевьева лежит в отделении для ног и больше не шевелится. Смотрю на них, вижу кровь, осколки стекла и жизнь, которая давно покинула их маленькие тела. В панике я пытаюсь подняться с сиденья, игнорируя боль, потому что могу думать лишь о том, как бы подобраться к ним, прижать к себе, но что-то меня сдерживает. Ноги прищемило, я больше их не чувствую, а острая штука, торчащая из моего тела... я снова кричу. В этот раз беззвучно, потому что сил больше нет, потому что я хочу дотянуться до своих малышей и не могу.

Потому что я не умерла вместе с ними.

Холодный ветер проникает внутрь через разбитое окно и приносит с собой запах бензина, крови и смерти.

Моя семья мертва.

Я обмякаю на сиденье, потому что больше не могу держаться прямо и потому что я беспомощна и бессильна. Это уже чересчур. Уже слишком. Каким-то образом мне удастся сделать вдох. При этом я надеюсь, что это в последний раз. Что смерть и меня заберет, как поступила с моей семьей. Что все пройдет быстро.

Все будет хорошо, я не оставлю тебя.

Эти мысли звучат в моей голове, словно голос Андре. Словно он, сидя рядом со мной, все еще жив. Я не в силах снова глянуть в его сторону или в сторону наших детей, просто не могу это сделать. Вместо этого опускаю голову, глядя в другую сторону, и меня охватывает страх, когда сквозь разбитое боковое стекло я замечаю белую пантеру. Но в этот раз я тут же осознаю, что не сплю. Я узнаю пантеру и понимаю, что означает ее появление.

Я всегда буду рядом.

В течение нескольких отрывистых ударов моего слабого сердца мы смотрим друг на друга. Ее золотистые глаза – светлые и ясные, и почти болезненно разумные. Я могу прочи-

тать в них свою грусть и сожаления. Едва заметно она качает головой и начинает бесшумно двигаться, обходит разбитую машину, пока не исчезает из моего поля зрения. И лишь через миг она снова появляется рядом со мной. Из ее пасти свисает безжизненный узелок. Светло-каштановый детский пушок торчит из одеяльца, испачканного кровью, словно кто-то приклеил к нему красные цветы.

Женевьева.

– Нет, – хочется сказать мне, закричать, завопить, но с губ срывается лишь влажный кашель, в котором я распознаю предательский вкус крови. *Оставь мою малышку мне. Позволь уйти вместе. Позволь...*

Мысль внезапно обрывается, когда я замечаю какое-то слабое движение. Едва заметное подрагивание между слоями ткани, шевелящаяся крошечная детская ручка... она жива. Женевьева, она... Мое сердце замирает, чтобы практически в тот же момент снова начать колотиться.

Моя маленькая девочка выжила.

Я снова бросаю взгляд на пантеру и вздрагиваю, увидев сверкающий предмет, который свисает из ее пасти помимо узелка. Золотая цепочка с маленькой шестеренкой. Такая крошечная, практически несущественная деталь, которая в данный момент значит все. Все, от чего я пыталась защитить Женевьеву. Все, что нас сюда привело. Все, в чем я ошиблась.

Я смотрю в глаза пантере и слегка качаю головой. Нет, пожалуйста, пожалуйста... не возвращай ее... Не допусти, чтобы невинное дитя оказалось втянуто в эту битву. Я знаю, что она не слышит меня, я не такая, как она, я не такая, как он, но я на это надеюсь. Надеюсь каждой искоркой жизни, еще оставшейся во мне. *Пожалуйста, умоляю тебя. Защити ее от этого мира. Ты же знаешь, что она не сможет найти себе место в нем.*

Пантера смотрит на меня еще одно мгновение. Оно растягивается, и я снова и снова посылаю мысли в ее сторону, потому что для громких слов сил уже не хватает.

Пантера ведет себя спокойно, не двигается, практически как *Явление*, которое существовало лишь в моих фантазиях. И в этот раз мне на самом деле хочется стать частью ее мира и понять, что творится в ее мыслях. Но это не так. И никогда так не было. И когда пантера отводит взгляд своих янтарных глаз, я понимаю, что теперь должна заплатить за это. Я слежу за ее взглядом и вижу дым, поднимающийся из разбитого капота двигателя. Вижу огонь, который уже лижет металл и от которого пузырится старый лак.

Слишком поздно. Слишком поздно для слишком многого.

Я чувствую, что по щекам текут бесполезные слезы, что мир перед глазами начинает расплываться. В дыму, и пламени, и тишине. Я наблюдаю, как пантера разворачивается, ее стройный белоснежный силуэт поглощают тени, пока мои уставшие глаза не теряют ее и мою дочь из виду.

Пока не остаюсь одна.

Все будет хорошо, Жанна, пока мы вместе.

Я улыбаюсь, плачу и хватаю Андре за холодную, испачканную кровью руку. В голове всплывают его слова. Единственные слова, которые мне действительно когда-либо нравились.

Все будет хорошо.

Пламя становится более алчным, а мое сердцебиение замедляется. Я думаю о Женевьеве, Клементе и Андре. Я думаю о них всех, но мыслей становится меньше и меньше. Пока все наконец не заканчивается и одновременно не начинается заново.

Все будет хорошо.

Все будет хорошо.

Первая часть

Тайны, которые нас зовут

Глава 1

7-й округ, Париж

Реми

– *Все будет хорошо.* – Я успокаивающе подняла руки, подсаживаясь ближе к моей лучшей подруге, которая готова была, судя по всему, либо разразиться слезами, либо взорваться. В случае с Нинетт уверенным быть нельзя. – *Все будет хорошо, Нинни. Вот увидишь.*

Она с сомнением вскинула тонкие брови и так энергично покачала головой, что ее темные, длиной до плеч волосы, сверкающие на концах бирюзой, разлетелись во все стороны.

– Как мне это уладить? Профессор уже ненавидит меня, а я даже не начинала ничего делать.

– Тогда все еще возможно, – возразила я, хотя и знала, что эта битва давно проиграна. Моя подруга лишь фыркнула, и я не сдержала широкой улыбки. Когда Нинетт входит в раж, ее нелегко отвлечь – это одна из причин, почему она мне так нравится. Нинни ничего не делает наполовину. Никогда. Вдохнув, я вытянула ноги на покрывале для пикника в горошек, на котором мы уютно расположились на широком зеленом пространстве перед Эйфелевой башней, и поменяла тактику:

– Тебе не нужно все делать в одиночку. Я же помогу тебе, или ты уже забыла об этом?

Глубокая морщина на ее лбу немного разгладилась.

– И поэтому я готова тебя расцеловать, но я не могу все время одалживать твоего внутреннего гения. Это мошенничество.

– Нет, это умно.

– *Реми.*

Я пожалала плечами и завязала длинные светло-каштановые волны волос в неряшливый узел.

– Ты тоже достаточно часто спасала мой зад. Так что в этом ничего такого нет.

– Только в этот раз речь идет не о каком-то проекте для домашнего задания, а о сертификате практической проверки знаний¹. На месте. Я не имею права уносить ни одно из своих изделий домой и могу работать над ними только в лаборатории.

Надо признать, настроение Нинетт сильно ограничивало мою роль тайной помощницы.

– Ладно, давай сначала. О чем именно речь?

Нинетт тихо выругалась и упала назад на покрывало, скрестив руки на груди и подняв взгляд наверх.

– Какая-то умная интегральная схема. Должна контролировать миниатюрную теплицу и автоматически регулировать температуру и воду... что я об этом знаю?

Я усмехнулась, легла рядом с ней и уставилась в безоблачное голубое небо Парижа. Следы от пролетевших самолетов оставляли беспорядочный узор на кажущемся бесконечным полотне.

– Я сделала что-то похожее в своей мастерской.

¹ Документ, подтверждающий успехи учащихся во время классных занятий, а также в индивидуальное учебное время, например, с помощью тестов, проектов и работы в классе.

– Почему меня это не удивляет?

Лежа, я пихнула ее локтем.

– Все началось с ерунды Эсси. Она хотела сделать магазин цветов *эффективнее* и обеспечить его поливом, но в конечном счете это оказалось слишком круто для нее.

Моя старшая сестра просто неисправима в том, что касается ее цветочного магазина «Букет роз» и страсти ко всему зеленому. Возможно, именно поэтому у нее так хорошо шли дела в магазине. На ее композиции из цветов спрос был высок во всем Париже, и Эсси едва удавалось справляться с заказами. И это без умной системы полива.

– Можем на выходных все тщательно изучить и разобрать, чтобы ты запомнила отдельные компоненты, – предложила я.

От взгляда Нинни моя кожа зачесалась.

– Зачем ты это делаешь, Реми?

– Делаю что?

– Ты сама знаешь, – в этот раз она толкнула меня. – Сама себя саботируешь.

– Ты же не собираешься начинать сейчас эту дискуссию, да?

– И ты так нервничаешь именно потому, что знаешь: я права.

*Merde*². Нинни и ее чертов острый язык, который всегда, без исключений, попадает в самую точку.

– Я думала, мы говорим о твоём проекте.

– А это непременно касается и тебя, *ma cocotte*³. Тебе нужно посещать эти курсы вместе со мной. Тебе нужно всех поразить своим необыкновенным талантом.

Я повернулась к моей лучшей, с детского сада, подруге и долгое время смотрела на нее. Нинетт, как и я, родилась и выросла в Париже. Ее отец был знаменитым французским модельером, которому не нравилась любовь Нинни ко всему, в чем есть платина. Однако Морис Бофор был самым крутым из известных мне отцов – за исключением моего папы. Нинетт с детства жила с Морисом, с тех пор, как ее мать Акане, вскоре после второго дня рождения дочери, вернулась в Японию для работы стюардессой.

Несколько лет назад мы летали в Фукуока, чтобы Нинни познакомилась с Акане, но достаточно быстро выяснилось, что кроме внешности – узких темных глаз, светлой фарфоровой кожи и тонких японских черт, а также любви к суши, их ничего не связывало. Но это была классная поездка, и Нинни почувствовала немалое облегчение, что ей впредь не нужно разрываться между двумя совершенно разными культурами.

Я громко вздохнула и скрестила руки под головой.

– Ты знаешь мое мнение по этому поводу, Нинни. Мне... мне там не место.

– Почему это? Сорбонна прекрасна! Одна только лаборатория с оборудованием – настоящий рай. По сравнению с ней бледнеет даже твоя маленькая мастерская, а ты же знаешь, что я горячо люблю твое логово.

Я скривилась.

– Звучит неправдоподобно.

– Ну и?.. Ты гениальна, Реми, у тебя есть талант, о котором другие могут только мечтать. Без понятия, как ты это делаешь, но ты справляешься со сложными схемами, любыми аппаратами, ты... ты просто понимаешь технику. И твое место – в Сорбонне, черт возьми.

– Наверное, это для тебя ужасно важно, раз ты уже начала ругаться.

– Кому-то из нас должно быть важно то, что ты делаешь со своей жизнью, Арамена.

² Здесь: «черт, зараза!» (фр.).

³ Моя милая, милочка (фр.).

Ой. Что-то в ее словах оставило горький привкус на языке. Возможно, потому что Нинетт говорила, как моя мать. «Тебе нужно стать кем-то, *chérie*⁴. Ты могла бы добиться великих свершений, если бы просто постаралась».

– Мне моя жизнь нравится такой, какая она есть, – ответила я немного вызывающе, и прозвучало это так, словно я защищаюсь. – Мне нравится работать с Эстер в цветочном магазине, и мне хватает больших и маленьких проблем соседей.

И это была правда. Мне нравилась моя мастерская в задней комнате магазина Эстер, где я чинила бытовые приборы соседей, когда не помогала старшей сестре. Это правда, и все же эти слова вызвали во мне маленькое неприятное напряжение. *Тебе это нравится, но должно же быть что-то большее, разве нет? Большее, чем чувство, что делаешь что-то правильное. Перспективы, которые заставляют тебя пылать. Цель.*

*Formidable*⁵, теперь мой внутренний голос тоже похож на мою мать.

– Ты знаешь, что я имела в виду. Честно, не может же быть, что тебе достаточно чинить тостеры и чайники.

Я резко села и посмотрела на нее.

– Это мои родители отправили тебя ко мне? – Ее щеки заметно покраснели. Вот я и получила ответ. Я с тихим ворчанием поджала губы. – Они тебя подкупили?

Моя лучшая подруга также села прямо и откинула назад темные волосы.

– Они это делают, потому что волнуются, и в последний вечер за рататуем...

– Речь о приглашении в университет, которое я отклонила?

И снова этот виноватый взгляд.

– Твоя *maman*⁶ попросила меня поговорить с тобой еще раз, потому что... ну да, они не понимают, Реми, и, честно говоря, я тоже. И при этом я считала, что знаю тебя лучше всех на этой планете.

Желудок сжался в неприятный твердый комок. Я невольно потянулась к маленькой покрытой золотом шестеренке, висящей на моей шее на тонкой цепочке. Ее края как-то по-особенному утешительно врезались в кожу. Как мы перешли от предстоящего проекта Нинни к моей нынешней жизненной ситуации?

– И к тому же, почему ты отказалась? Это был бесплатный билет в одну из лучших стипендиальных программ по прикладным наукам во Франции. Тебе нравится техника. Тебе нравится мастерить и возиться с электронным барахлом. Мы это делаем с тех пор, как я себя помню...

– Мне там не место, Нинни, понятно?!

Она озадаченно посмотрела на меня.

– Откуда тебе в голову пришла эта глупая идея? Тебе там место, как и кусачкам в любом хорошем ящике для инструментов.

– Кусачкам?

– *Tais-toi!*⁷ Ты же знаешь, что слова – не моя сильная сторона. И речь не об этом. Откуда у тебя появилось это совершенно неуместное чувство, что Сорбонна неподходящее для тебе место, Реми? Что происходит в твоей хорошенькой головке? – Ее тон стал мягче, а взгляд таким беспокойным и настойчивым, что казалось, будто бы она заглядывает мне прямо в душу. Взгляд, который пробирал меня до глубины души, потому что напоминал мне о тех моментах, когда я бегала к Нинетт, потому что, учитывая все изменения последних лет, семейные ссоры, нервные школьные времена и взросление, она всегда была для меня любимой «тихой гаванью».

⁴ Милая (фр.).

⁵ Отлично, превосходно (фр.).

⁶ Мама (фр.).

⁷ Замолчи! (фр.)

Потому что она была сильной тогда, когда я такой быть не могла. Когда другие школьники в нашей дорогой частной школе дразнили меня, потому что моя семья не *настоящая* моя семья, и Эстер не моя *настоящая* сестра. Когда они кричали мне вслед, что мои настоящие родители, судя по всему, любили меня недостаточно, чтобы оставить у себя, и вместо этого отдали младенцем на удочерение. И когда я неделями, месяцами, каждый день и почти каждую ночь пыталась отыскать моих настоящих родителей и так ничего и не смогла найти. Нинетт всегда была рядом. Всегда на моей стороне, и всегда смотрела на меня таким взглядом.

Прошло какое-то время, прежде чем я снова смогла заговорить и наконец ответить:

– Это кажется неправильным. Мне кажется, что это не тот путь, который я должна избрать. Это... трудно объяснить.

– Да ладно, никто не умеет так понятно объяснять сложные вещи, как ты. Представь это чувство как техническое оборудование, интегральную схему. Объясни мне все, Реми.

Несмотря на напряжение, я чуть улыбнулась. Так на меня влияла Нинетт со всем ее бесконечным сочувствием и яркой, по-своему оригинальной одеждой. Она вытягивала из меня слова, о существовании которых я и не подозревала. Не знала, что они ждут внутри, когда я произнесу их. Я отпустила шестеренку на цепочке и села, скрестив ноги, а потом достала из рюкзака бутылку с водой и сделала глоток.

В это время на Марсовом поле людей обычно много. Когда погода хорошая, почти все свободные места на огромной поляне заняты туристами и местными, а под июньским солнцем Эйфелева башня сияет, как бенгальский огонек. Многие парижане не любили места, которые привлекали людей со всего мира, но мне именно это и нравилось. Суета, чувство, что в толпе ты не так одинок. *Что ты являешься частью чего-то.*

Я снова взглянула на Нинни, которая выжидающе наблюдала за мной, вращая бесчисленные золотые кольца на тонких длинных пальцах.

– Возможно, тебе стоило изучать психологию. Меня пугает, как тебе каждый раз удается сказать именно то, что я хочу услышать. – Она слабо улыбнулась, но морщины на лбу остались, так что я продолжила. Прислушалась к себе, чтобы облечь в слова то, что сама полностью не понимала. – Предложение университета ощущалось не так, как ремонт и винтики, Нинни.

– Ладно. – Это «ладно» прозвучало больше как вопрос, за которым следовала целая куча вопросительных знаков.

Я скорчила гримасу.

– Ты же знаешь, меня привлекают технические безделушки. Кажется, что приборы и поломки *говорят* со мной и влекут меня. Это просто... та же частота. Это кажется правильным, словно теплое жужжание в моем теле. – Я инстинктивно положила руку на грудь. Сердце начало биться быстрее. – Находясь в своей мастерской и работая, я чувствую это жужжание. А когда я открыла письмо, которое забрало бы меня из мастерской в Сорбонну... это ощущение пропало.

Нинетт немного скептически сморщила тонкий носик.

– Это *жужжание*?

Застонав, я взмахнула руками:

– Знаю, как это звучит. Мама и папа так же посмотрели на меня, когда я попробовала им объяснить. Без понятия, что это такое, возможно, я просто при пайке слишком много паров вдохнула и давно потеряла рассудок.

Нинни осторожно положила ладонь на мою руку и попыталась отыскать глазами мой взгляд.

– Я верю тебе, да. Со всеми нами такое бывает. Что-то кажется правильным, а что-то нет. Так мы и принимаем большинство решений.

– Но?

– Я не говорила «но».

– Однако оно там было. Толстое жирное «но», Нинетт.

– Это твоё воображение. Возможно, ты немного помешалась.

Я высунула язык, и мне было всё равно, что в девятнадцать лет я была уже слишком взрослой для такого жеста.

– Ну ладно, вот и «но», раз ты обязательно хочешь его услышать: я понимаю это чувство, которое многие, наверное, назовут интуицией. И твои колебания, Реми, честно. Но иногда бывают моменты, когда это внутреннее ощущение является скорее страхом, и к нему не стоит прислушиваться. Нужно перепрыгнуть через свою тень.

Я подумала над её словами и пришла к выводу, что я не понимала, в чём дело. Возможно, боялась изменений или что мне снова придётся столкнуться с отказом. Возможно, я просто надумываю.

Я недовольно вырвала траву и поиграла с отдельными стеблями.

– Вполне возможно. Или мы обе ошибаемся. – Я сдула локон со лба и кинула стебелек в сторону. – Теперь уже в любом случае слишком поздно. Я отказалась и останусь с Эстер. Она нуждается в моей помощи, как и наши соседи.

– Особенно мадам Буттуар и её огненно-красное радио. Что бы она делала без еженедельного визита, во время которого ты проверяешь её любимое радио?

– Она бы оказалась в затруднительном положении.

– Она и её заменяющее кошку/собаку радио. Странно, что у него до сих пор нет имени, – тихо посмеялась Нинни.

– Будет. Я могла бы ей предложить имя, когда она покажется в следующий раз, хотя радио так же безупречно работает, как и неделю назад.

Всё ещё широко улыбаясь, моя лучшая подруга потеряла лоскутное платье и снова стала серьёзной.

– Ты же знаешь, твой отказ не обязательно должен быть окончательным.

– Нинетт...

Теперь она подняла руки в оборонительном жесте.

– Я имею в виду... просто подумай ещё раз об этом, хорошо?

– Чтобы ты могла сказать маме, что по крайней мере попыталась? Она тебя подкупила пирожными макаронами?⁸

– Макаронами и опасениями, которые у нас общие. Но в целом макаронами, да. В этом мире никто бы не смог противиться выпечке Фелисьен.

– Знаю.

Её брови подскочили.

– Итак?

Я вздохнула и достала телефон.

– Что... – Я замолчала, когда на глаза попались часы на экране смартфона, за которыми следовало бесчисленное множество сообщений и пропущенных звонков Эстер. – Putain!⁹ Я должна была вернуться в магазин десять минут назад.

– Мне казалось, что по четвергам у тебя свободна вторая половина дня.

Я торопливо засунула джемпер в рюкзак и схватилась за сандалии, одновременно пытаюсь напечатать сообщение. Не нужно упоминать, что я безнадежно потерпела поражение.

– Обычно да, но у Эсси сегодня встреча в Версале из-за большой свадьбы и... эх, это очень важно для неё. Она оторвет мне голову. – Ругаясь, я встала и порылась в поисках ключа от велосипеда.

Нинетт тоже поднялась на ноги.

⁸ Французское кондитерское изделие из яичных белков, сахара и молотого миндаля.

⁹ Здесь: Черт! Блин! (фр.)

– Всего десять минут, Реми. Она наверняка на всякий случай учла возможность опоздания.

– Неважно.

– Так что с приглашением в университет?

– Поговорим в другой раз, хорошо? Мне нужно уезжать. Увидимся на выходных и обговорим твой проект.

Она явно была недовольна резким окончанием ее миссии. Нинни поджала губы.

– Конечно, но Реми...

– Я напишу тебе, – перебила я, быстро прижала ее к себе, оставляя поцелуи на правой и левой щеке. – Прости, Нинни. Не могу заставлять Эсси ждать. Не сегодня.

Покорно вздохнув, моя лучшая подруга наконец позволила мне уйти.

– Мы еще поговорим об этом, Арамена Бенуа.

– Разве мы постоянно это не делаем? – крикнула я через плечо, уже на полпути к моему светло-желтому городскому велосипеду. – И даже не переживай, мы получим твой сертификат об обучении.

Я не стала ждать ее ответа, а сразу побежала. Между тем людей было явно больше, чем днем, и поиск пути через толпу с фотоаппаратами, летними шляпами и рюкзаками стал настоящей пыткой. Я все время бормотала извинения, пробираясь между группами и парочками, пока наконец в поле зрения не появилась остановка велосипедов и...

Ой.

Мой героический спринтерский забег пришел к внезапному окончанию, когда я врезалась в теплую широкую грудь и в следующее мгновение отскочила назад.

– Excusez-moi¹⁰, я... – начала я и замолчала, осознав, что эта грудь, и, соответственно, парень, которому она принадлежала, уже развернулся, словно удара и не было. Я озадаченно смотрела ему вслед, потерявшись в мыслях и потирая плечо. Темно-каштановые волосы, большой, мускулистый и... что за белая собака? Неосознанно я сделала шаг в его направлении, чтобы... что? последовать за ним? Но внезапно вспомнила, что спешу, и мой взгляд снова вернулся к велосипеду. Моей настоящей цели.

Давай, Реми. Эсси полагается на тебя.

Я почти незаметно покачала головой и в последний раз бросила взгляд на место, где только что стоял тот парень со странной собакой. Место пустовало, а молодой человек исчез.

Конечно, исчез.

Губы изогнулись в легкой улыбке, я повернулась и наконец отвязала свой велосипед.

¹⁰ Простите меня (*фр.*).

Глава 2

Фитцровия, Лондон

Зим

Когда я вышел в Фитцровии из метро на поверхность, на мою одежду подобно туману опустился морозящий дождик. Я сразу же пожалел, что не взял с собой зонтик, и не только потому, что в джутовом мешке лежали книги ценой в три тысячи фунтов стерлингов, но и потому, что понимал, что этот самый морозящий дождик в течение нескольких минут превратится в настоящий потоп. А я не любил мокнуть. Никто такое не любил.

Неразборчиво что-то бормоча, я обогнул группу туристов, втянув голову в плечи. Возможно, мне удастся попасть в музей до начала ливня. Как бы мне ни нравился Лондон из-за его старинных уголков, архитектурной вневременности и суеты, постоянный дождь убивал меня. Но у всех мест есть свои недостатки, разве не так?

Одним больше, одним меньше, и от некоторых лучше бы держаться подальше, не правда ли, Казимир?

Сжав зубы, я прогнал мысли, успевшие перенять знакомый баритон моего отца, и едва заметно покачал головой. Когда надо мной в темно-серых облаках прогрехотал первый гром, я машинально ускорил шаг, перейдя почти на бег, при этом не обращая внимания ни на светофоры, ни на сигналившие такси или красные двухэтажные автобусы. Так делали лондонцы. Вот только я не был лондонцем, но это никакой роли не играло. В тонком темно-синем пальто, кожаных ботинках и белой футболке я чувствовал себя почти британцем, и этот город был моим домом, о чем и говорило мое удостоверение. Лондон был и оставался выбранной мной родиной, пока какое-нибудь новое задание, с которым я не хотел иметь ничего общего, снова не заставило бы меня переехать и начать все сначала.

Ну ладно, всего еще один день без этой старой шарманки.

Я показал внутреннему голосу воображаемый средний палец и пересек последнюю улицу, отделяющую меня от импозантного Британского музея. Когда я вышел на площадь, передо мной выросло словно бы выпавшее из времени мощное здание из светлого песчаника с ионическими колоннами и изогнутыми капителями. Перед входом уже выстроилась значительная очередь, и я был рад, что благодаря моему университетскому пропуску могу пойти по короткому пути. Иначе я бы, возможно, в конце концов вошел во вкус летнего дождя, который уже зарядил вовсю. Держа руку на сумке с дорогими книгами, я пробежал мимо ожидающих в очереди и мгновение спустя нырнул в галерею, где находился один из боковых входов для работников и с недавних пор – для учащихся на факультете культурологии.

– Казимир! Ты опоздал на встречу, – поприветствовал меня Джефферсон, один из охранников территории, касаясь фуражки. Он, как всегда, снова немного запнулся на моем имени. – Я думал, что ты придешь полчаса назад.

Я косо ухмыльнулся и, пожав плечами, протянул ему кофе навынос, которое удерживал в другой руке.

– В метро снова были проблемы. Ну ты знаешь.

– Спасибо. – Он с наслаждением сделал первый глоток и улыбнулся так широко, что его светлые зубы блеснули между губами. – Не буду тебя задерживать, там в зале тебя кое-кто ждет.

Черт. Я надеялся, что приду вовремя на встречу с Уиллоу, которая обычно выделялась своей хронической непунктуальностью. Вздохнув, я кивнул и перевесил тяжелую сумку с книгами с одного плеча на другое.

– Тогда я лучше поспешу. Хорошего дня, Джефф.

– И тебе того же. И еще раз спасибо за кофе.

– Всегда пожалуйста, – ответил я и поднял руку в прощании прежде, чем проскользнуть в прохладное внутреннее помещение музея. И в этот самый момент меня охватило хорошо знакомое чувство спокойствия. Ощущение спокойствия, которое усиливалось и исходило от древних стен, окружающих меня на пути к огромному читальному залу музея с впечатляющим куполом. Это место было одной из причин, почему мне нравился Лондон. Я мог на многие часы и дни потеряться в бесчисленных комнатах и выставках. Если бы была возможность, я бы остался здесь навсегда, учился бы, изучал разные эпохи, впитал в себя больше знаний из прошлого... но я не мог. Никогда не смог бы, потому что все это никогда не было моим. Этот мир не был моим.

И снова вернулись совершенно непрошенные мысли, которые следовали за мной годами и ничего с собой не приносили. Кроме плохого настроения.

Еще несколько недель до того, как тебе придется вернуться, Зим. Порадуй себя и пока что подожди с таким плохим настроением.

Merci beaucoup¹¹.

Покачивая головой, я взобрался по лестнице наверх и чуть позже вошел через двойные двери в сердце музея. Мой внутренний голос замолк, как по нажатию кнопки, и в тот же момент мое настроение сразу же улучшилось. В окружении впечатляющих книжных полок, шелеста бумаги и сосредоточенной суетливости у меня не осталось выбора. Запах книг, близость к бесконечным темным стеллажам, хранящим истории этого и других времен, и собственный шепот этого места были для меня воплощением *дома*. Возможно, потому что я вырос в другой библиотеке. В другой стране, окруженный другим шепотом, от которого я не мог спастись, сколько бы километров между нами не было. Часть меня всегда оставалась там.

Я медленно выдохнул и снова двинулся вперед, прежде чем успел бы глубже погрузиться в свои размышления. В конце концов я договорился о встрече, опоздал, а читальный зал Британского музея точно был не местом для размышлений над одной из величайших и лучше всего охраняемых тайн человечества.

Темный ковер поглощал мои шаги. Я прошел между упорядоченными рядами полок в форме звезд в центр зала. Там, под огромным куполом, через окна которого в зал проникал серый свет летней бури, стояло множество столов вместе со стульями и лампами для чтения. Некоторые учащиеся, а также посетители музея постарше, сидели там, погружившись в книги или ноутбуки. Нахмурившись, я поискал взглядом среди присутствующих рыжую шевелюру Уиллоу и в следующее мгновение выругался по-французски, когда вместо своей подруги увидел другое знакомое лицо. То, которое я совсем не ожидал здесь увидеть и из-за которого мое настроение за долю секунды упало ниже плинтуса.

Почувствовав мое присутствие, Людвиг повернулся как раз в этот момент и помахал мне рукой так радостно, словно мы на ярмарке, а не в уважаемом лондонском институте. И его совершенно не интересовало, что другие на него смотрели так, будто он сошел с ума – а так, скорее всего, и было. И уже очень давно.

Ты же не серьезно, черт возьми.

Я угрюмо скривился и направился к своему младшему брату, устроившемуся на деревянном стуле так, словно читальный зал – его царство.

– Лу, – подойдя к нему, поздоровался я приглушенным голосом.

– Братишка. Я думал, мы договорились встретиться полчаса назад?

Осознав сказанное им, я растерянно уставился на него.

– Так это был *ты*. Уиллоу не писала мне никаких сообщений. Ты со мной связался. От ее имени, – а я, как идиот, гадал, почему Уиллоу написала мне в среду, хотя эти дни у нее самые загруженные.

¹¹ Большое спасибо (фр.).

– Мне же нужно было каким-то образом вытащить тебя из твоей раковины. Если бы я связался с тобой напрямую, ты бы никогда не появился здесь.

Хотя он был прав, но я бы открыто в этом не признался. Я сложил руки на груди и склонил голову набок.

– Чего ты хочешь? Насколько я помню, до конца июля все еще пять недель.

Людвиг подтянул к себе ногу и дернул за темные подтяжки, надетые поверх светло-синей рубашки. На самом деле он выглядел смешно в будапештерах в комбинации с коричневыми брюками-чинос и темными локонами, торчащими во всех направлениях. Но Людвигу почему-то все еще нравился этот необычный винтажный стиль.

– Именно. Я здесь по другой причине. Отец послал меня.

Естественно. Я опустил на стул рядом с ним, положив сумку с книгами на колени, и уставился на брата, у которого была привычка появляться тогда, когда мне это меньше всего нужно.

– Возможно, нам стоит отправить ему руководство «Как использовать телефон». Или «Как составлять электронные письма».

На лице Лу сияла безрадостная улыбка.

– Мы оба знаем, что таким образом он бы никогда не смог связаться с тобой.

Тоже правда.

Я не ответил, и Людвиг, подтянув к себе ногу, обхватил ее руками.

– Слушай, меня тоже не прельщает вытаскивать тебя из твоего маленького лондонского пузыря, но есть проблема. Она по-настоящему серьезна, и я не имею в виду, что папа и дядя Корбин снова поссорились или что Имон невыносим. – Между его темных бровей появилась глубокая складка, забрав все веселье из его карих глаз. Людвиг продолжил: – Кассандра умерла.

Когда до меня дошел весь смысл этих слов, карусель мыслей резко остановилась.

– Что?? – вскрикнул я и получил в ответ «пс» и «тише!», но на самом деле я их не слышал. Я видел только Людвига, а его слова снова и снова кружились в моей голове.

Кассандра мертва.

Кассандра мертва.

Кассандра мертва.

Я озадаченно провел рукой по темно-каштановым волосам, снова ставшим слишком длинными, и сжал зубы. Это не может быть правдой, это... это проклятая катастрофа библейских масштабов.

– *Pas possible!*¹² Как? – наконец вырвалось у меня. Мои пальцы вонзились в ткань сумки. – Когда?

– Два дня назад. И папа... я еще никогда не видел его таким, Зим. Я имею в виду, все мы знаем, что Касси была стара и когда-то должна была умереть, но я считал...

– Все мы надеялись, что это продлится подольше. Что у нас больше времени.

Хотя это смешно. Никакого времени в мире не хватило бы, чтобы действительно изменить тот факт, что Кассандра Хайл последняя в своем роду. Последняя *Ritari*. И что без нее мы буквально окажемся перед неразрешимой проблемой. Проблемой, которая касается не только моей семьи, но, как бы драматично это ни звучало, и всего чертового человечества.

– *Merde!* – не сдержавшись, я ударил рукой по столу и вскочил. – Почему я узнаю об этом только сейчас?

Лу встал, и при этом злые взгляды посетителей волновали его так же мало, как и меня.

– В этом виноват ты, если позволишь напомнить, братишка.

¹² Невозможно! (*фр.*)

Я не стал даже пытаться что-то на это ответить, вместо этого направился к двери, в которую всего несколько минут назад вошел, полагая, что хоть раз смогу заняться своими делами, иметь на это время. *Что за наивная мысль.*

– Подожди! Зим! – Лу наконец догнал меня на широкой лестнице и остановил меня, положив руку на плечо. От непривычно серьезного выражения его лица меня пробрало до глубины души. Все было неправильно. Ужасно неправильно. – Куда ты?

– А ты как думаешь? В Подземелье. В Париж. Именно поэтому ты здесь, разве нет?

Людвиг мрачно кивнул, и показалось, что за несколько минут он стал старше своих девятнадцати.

– Да, но тебе не нужно нестись сломя голову. Я уже забронировал для нас двоих рейс. Улетает сегодня вечером в Шарль-де-Голль.

– Как хорошо вы все продумали, – прервал я его. Мой голос сочился иронией.

Людвиг намеренно пропустил мои ненужные упреки.

– А пока можешь спокойно собрать вещи и подумать, как объяснить твоё внезапное исчезновение из твоей второй жизни. Или ты просто хочешь исчезнуть без лишнего шума? Здесь, в их городе, где они скорее всего за всем наблюдают? Они лишь ждут ошибки с нашей стороны, и студент, пропавший без объяснений, именно такой ошибкой и является. Уж не говоря о том, что я не понимаю, что тебя заставляет играть в соседей с этими... ну ты знаешь.

Они.

От упоминания об этой заразе кожа покрылась мурашками.

Они, те, кто столетиями усложняют нам жизнь, охотятся за нами и саботируют нашу работу.

Они, виновные в том, что такая проблема вообще возникла.

И *они*, из-за которых наша сестра Табита...

Скрипя зубами, я выдохнул и заставил своё колотящееся сердце успокоиться.

– Отец хочет забрать меня из Лондона. Сейчас?

Людвиг склонил голову и хлопнул меня по плечу.

– Из-за смерти Кассандры мы столкнулись с катастрофой, Зим. Естественно, ты нужен ему там. Ему нужны мы все до единого.

Глава 3

7-й округ, Париж

Реми

«Букет роз» находился примерно в двух минутах езды на велосипеде от Марсового поля в Седьмом округе Парижа. Это был маленький узкий домик, такой же старый, как эта часть французской столицы, и находился он в узком переулке, в котором я знала всех по именам. Деревянный фасад был окрашен в светлый мятно-зеленый цвет, а две большие витрины, за которыми теснились цветы и растения всех видов, занимали практически весь первый этаж, оставляя место для входной двери посередине. Перед магазином на тротуаре стояли маленький столик и тачка со свежими растениями в горшках и новыми предложениями, а позолоченная вывеска с вычурной надписью «Букет роз» заманивала клиентов внутрь.

Прямо в зеленую страну чудес моей сестры.

Эстер унаследовала от нашего дедушки, умершего три года назад, дом, а с ним и лавку, и из пустого служебного помещения под ее детской создала магазин цветов, а наверху – уютную квартиру. Прошлым летом, закончив школу, я переехала к Эстер не только потому, что в большой задней комнате могла организовать электромастерскую, но и потому что моя сестра, в отличие от родителей, не твердила мне все время о том, что я не учусь и не получаю образование. Эсси просто порадовалась, когда я появилась у ее двери. И наша совместная работа, и сестринское совместное проживание отлично работало, если я только что не испортила один из ее важных заказов.

– Эсси! Прости! – запыхавшись, прокричала я, ворвавшись в «Розу» и толкнув дверь сильнее, чем нужно было. Маленькие колокольчики над ней зазвенели как сумасшедшие, а цветные стекла старой деревянной двери затряслись. Меня сразу же окутал аромат свежих цветов, стоявших здесь до потолка на полках и в вазах, вперемешку с легко узнаваемыми нотками свечей из пчелиного воска, которые так нравились Эстер. И не важно, какое было время года или какая температура стояла снаружи. На заднем фоне тихо играла французская музыка, горели огни. Вот только моей сестры не было и следа.

– Эсси? – Я вбежала внутрь, отчего старые доски закрипели под моими ногами, и провела рукой по вспотевшему лбу. – Прости, что опоздала.

Где-то что-то загремело, потом я услышала знакомые шаги на немного перекошенной лестнице, скрытой за тяжелой занавеской и ведущей в квартиру над магазином. Мгновение спустя передо мной возникла Эстер, и выглядела она совсем не радостной.

– Боже, Реми. Я сотни раз пыталась дозвониться до тебя.

– Знаю, – сокрушенно ответила я. – Я позабыла о времени.

Старшая сестра поправила изысканные очки, круглый позолоченный металлический каркас которых сиял в белом освещении магазина, и покачала головой:

– Ну ладно. Разберемся позже. С минуты на минуты приедут организаторы свадьбы и заберут меня.

– Я могу тебе как-нибудь помочь?

– Думаю, нет, хватит того, что сегодня ты возьмешь магазин на себя.

– Это само собой разумеется, а в следующий раз я буду пунктуальней.

Эстер махнула рукой:

– Просто присматривай за нашей «Розой», и я буду счастлива.

Она еще никогда долго ни на кого не злилась по-настоящему. Иногда мне казалось, что она на это просто не способна.

– В остальном все должно пройти хорошо. Я уже отправила образец свадебной композиции в Версаль вместе со списком. Наверное... – Нахмурившись, она поправила челку и провела рукой по гладкой ткани красного платья-футляра, а в следующую секунду снова стала теревить волосы.

Хотя мы с Эстер не родные сестры, внешне мы очень похожи. Изящная фигура, каштановые волосы, струящиеся локонами, светлые глаза, казавшиеся слишком большими на лице в форме сердечка. У нас одинаковая немного загорелая кожа и общая любовь к сыру и кофе. Однако в отличие от меня Эсси предпочитала носить платья и юбки ее любимых ярких оттенков, а я придерживалась джинсов, футболок и старой фланелевой рубашки папы.

Я коснулась руки сестры и немного склонила голову вбок.

– Все в порядке, Эсси?

– Да, да, конечно, – ответила она слишком высоким голосом, заставив меня невольно улыбнуться.

– Не волнуйся. Ты легко поразишь их. Просто будь самой собой.

– Разве не я должна тебе это говорить, ведь я на три года старше тебя?

– Для таких случаев нет четких правил, Эсси. Ты справишься, а я всегда горжусь тобой. Ее щеки заметно покраснели, и она быстро меня обняла.

– И вполтину не так, как я тобой.

С улицы в магазин проник гудок, и мы отпустили друг друга.

– Моя машина приехала.

– Тогда лучше не заставляй их ждать. До вечера, Эсси. Повеселись.

Напряженно улыбаясь, сестра забрала сумку с прилавка, выбежала из цветочного магазина и мгновение спустя уехала на черном автомобиле. Я глубоко вздохнула и осмотрелась в поисках задания в магазине, но, как часто и бывало, ничего не нашла. В этом смысле моя сестра была абсолютным перфекционистом.

Улыбаясь, я потеревила большой букет на прилавке и исчезла в задней комнате, – так обычно я и делала, если не приходило много клиентов, которым нужно было экспертное мнение моей сестры или мои таланты, потому что их радионяня или миксер снова отказывались работать.

Без моего на то желания слова Нинетт снова вернулись в мои мысли. Слова о том, что я могу сделать в этой жизни что-то большее. Что могу не просто ремонтировать тостеры в задней комнате, но и вносить свой вклад в будущее в крупных научных институтах этого мира. Придумывать новое и решать проблемы вместе с самыми «умными умами» технической отрасли. Но хотя для ушей это звучало заманчиво, подобно мечте, я не ощущала эйфории. Но я же должна ее чувствовать или нет? Должна быть вне себя от радости, сесть в ближайшее метро, поехать в университет и принять предложение. Нырнуть в мир техники. В конце концов, именно это мне и нравилось. То, что я делала каждый день. Решала проблемы. Понимала интегральные схемы. Жила техникой.

Вместо этого при мысли об учебе в Сорбонне я ощущала почти отвращение, и даже не могла ответить, почему. Покачав головой, я провела рукой по волосам.

Это ненормально. Я ненормальная. Почему это кажется таким неправильным, хотя именно это мне и нравится?

В этом нет смысла, Реми.

Я резко прислонилась к дверному косяку и подняла взгляд. Здесь моя мастерская, мой упорядоченный хаос из инструментов, старых приборов, служащих для запчастей, электрических деталей и множества верстаков и шкафов. На овальном столе посередине лежал маленький ящичек медного цвета, попавший ко мне несколько дней назад. Я все еще не могла сказать, что именно скрывается под его поверхностью с гравированным орнаментом из растений. Я часами рассматривала эту маленькую вещицу, так и не поняв ее значения и функций. Я

буквально обломала о него зубы. Но, несмотря на это, не отправила коробочку в ближайшие электронные отходы, потому что любопытство просто-напросто было сильнее. Любопытство, которое я задвинула в сторону, чтобы заняться более важными задачами, – например, почти исторической кофеваркой эспрессо на главном верстаке.

Я решительно повернулась к таинственному ящичку спиной и уселась перед внутренней частью машины; ее снятый корпус ждал рядом на тележке. Я уже сделала грубый набросок схемы переключения внутри, потому что у владельца не было для меня инструкции. Это была одна из причин, почему другие мастерские ему отказали, но я... Мне чаще всего не нужна инструкция. Мне нужен лишь сам прибор и это *жужжание*, которое я пыталась объяснить Нинни. Как уже говорилось, я не понимала, не знала почему, но, когда я начинала работать над устройством, оно словно бы со мной говорило.

И я знаю, как безумно это звучит.

Но так и было. Я видела прибор, касалась его и понимала его нутро. Возможно, потому, что я уже отремонтировала бесчисленное количество аппаратов, возможно, по другой причине, но мне это давалось легко. Без усилий, как... дыхание.

Я задумчиво осмотрела кофеварку-эспрессо и прикусила нижнюю губу, прежде чем покрутить машинку в руках, и сразу же почувствовала *жужжание*. Оно привело меня к системе кабелей в верхней трети, словно хотело указать на дефект. Я не глядя схватила изящную отвертку, открыла маленькую крышку из потемневшего металла и действительно нашла причину. Провисший провод, контакт которого подвергся коррозии. Маленькая деталь, которую без *жужжания* я бы скорее всего нашла лишь часы спустя, но так... так я просто знала.

Как всегда.

Меня окутал целый коктейль из эмоций, пока я рутинно отвинчивала контакт, заменяла его и фиксировала провод. Операция, которую я проводила уже немыслимое множество раз, и она уже вошла в мою плоть и кровь. Казалась правильной.

Этого должно хватать, или нет? Не всегда же есть что-то *большее*. Мне не нужно быть такой, как другие, и идти куда-то учиться.

Жужжание стало громче, и я почувствовала легкое давление в висках. Сжав зубы, отложила инструменты и развернулась на табурете. Тут мой взгляд снова упал на злое предмет... казалось, что жужжание исходит из коробки, словно воздух заряжен этим интенсивным гудением и оно зовет меня.

C'est ridicule – это смешно.

И тем не менее я поймала себя на том, что встала и взялась за маленькую коробочку, размером с кусок масла. Жужжание сразу же немного успокоилось, стало ровнее, словно бы мы реагировали друг на друга.

«*Именно это я и имела в виду, Нинни*», – пробормотала я в своих мыслях и погладила прохладную сверкающую поверхность металла. Хозяйка не много смогла мне рассказать о коробке, и, несмотря на жужжание, узнать больше о ней я не смогла. Потому что, если обычно мой «незаурядный талант» сообщал мне о внутреннем содержании машины, в случае с ящичком слышалось лишь нечеткое бормотание. Если описывать образно. Почти как иностранный язык: канал, частота которого до меня полностью не доходила. Еще одна загадка, которую мне нужно решить.

Потерявшись в мыслях, я вертела сверкающую коробочку в руках и чуть не уронила ее, когда в следующую секунду раздался звон маленьких колокольчиков из торгового зала.

Merde!

– Секундочку! – прокричала я, чтобы дать клиенту знать, что в магазине кто-то есть (вход был плохо виден из мастерской), и отложила в сторону свою новую загадку, а потом вытерла влажные руки о бежевый фартук. Я поспешно покинула мастерскую, радуясь, потому что мои

ходящие по кругу мысли по крайней мере на мгновение исчезли, и вышла в переднюю часть «Букета роз». По пути я захватила что-то, на чем можно писать, и повернулась к клиенту.

– Bonjour¹³, чем я могу вам... – Слова внезапно застыли на моих губах, когда я взглянула на дверь и узнала того, кто зашел в магазин.

Того, или лучше сказать, *что*.

Мой маленький блокнотик вместе с ручкой упали на пол, потому что я была не способна шевельнуть и пальцем.

Передо мной на коврик для ног в цветочном магазине, посреди Парижа, сидела белоснежная полярная лиса размером со взрослого волка.

...И смотрела мне прямо в глаза.

¹³ Добрый день (*фр.*).

Глава 4

7-й округ, Париж

Зим

Сложно было сказать, что вообще произошло за последние двадцать четыре часа. Слишком многое. Слишком многое, чтобы облечь это все в слова, и все же недостаточно, если учитывать, что нам предстояло.

Я не мог сказать, где именно плавал во всем этом водовороте, давно унесшем меня.

Даже порадоваться не мог, что после моего приезда в Париж папа и Корбин не стали снова донимать меня, как обычно, тем, что я жил в Лондоне – городе, который стал колючкой в их глазу¹⁴.

Как только я вошел в *Подземелье* (так мы называли нашу истинную родину под Парижем), события взорвались внутри меня, словно бомба. Чувство было практически такое, будто я отсутствовал не пару недель, а несколько лет. И за эти годы дом превратился в чужое место.

Было сложно узнать семью, весь клан. Повсюду царили паника, страх и неизвестность. Растерянность выжгла зияющую дыру в нашем сообществе. Поразительное ощущение беспомощности. Потому что именно такими мы и были – беспомощными. Несмотря на нескончаемые собрания, на которые мы с Людвигом были отправлены после возвращения, мы ничуть не сдвинулись с места. Конечно же, нет, потому что смерть Кассандры не была проблемой, для которой можно было просто найти подходящее решение.

Эта проблема была нерешаемой. Мы ничего не могли предпринять против надвигающейся беды, и все мы глубоко внутри это понимали. Только вот это не меняло того, что мой отец, наш руководитель, устраивал одно экстренное заседание за другим. Мы ходили по кругу, пока ситуация не обострялась, или что-то не ломалось, или же папа или его младший брат Корбин не покидали помещение в ярости. Потому что решения не существовало, и никто не был готов это признать. Это все изнуряло, и через какие-то двадцать четыре часа, проведенные в Париже, я уже мечтал о том, чтобы сесть на следующий же обратный рейс. Я понимал, что никто не готов сдаться, как и я сам, но некоторые битвы не выиграть, а ссоры, на мой взгляд, все лишь усугубляли и еще больше отдалили нас друг от друга, хотя мы все равно были близки к потере всего.

Это было сложно вынести, но я промучился восемь заседаний, прежде чем воспользовался первой же возможностью сбежать из Подземелья. Это было просто задание, которое мог выполнить любой новичок, и все же я чуть ли не умолял отца поручить его мне.

Папа не особо был рад отпустить меня, но в итоге согласился, и мне удалось хотя бы на пару часов сбежать из осинового гнезда.

Вот же дерьмо.

Моргая, я глянул на июньское солнце, дружелюбно улыбающееся и сияющее на небесах, словно наша вселенная не была на грани уничтожения. И это не избитое выражение, а чертово положение вещей.

Кассандра, последняя *Punari*, была мертва, и теперь падение мира стало лишь вопросом нескольких недель. А возможно, и дней. Никто точно сказать не мог.

Я вздохнул и провел пальцами по подбородку, а потом засунул руки в карманы джинсов, глядя на Дота, бегущего рядом со мной. Настоящая загадка, как ему удалось не растаять в городской жаре, учитывая его белоснежный густой мех. Мне от одного только взгляда на него

¹⁴ Имеется в виду выражение «jemandem ein Dorn im Auge sein» (*нем.*) – «быть колючкой в глазу», что означает «сильно раздражать чем-то».

уже становилось жарко. Но, наверное, это не должно меня удивлять. Дота окружало столько загадок. В конце концов он не был частью привычного мира, а потому не был связан привычными правилами температуры или логики. Так же, как и я.

Дот был *Прыгающим по слогам*, принявшим форму большого песка и уже почти семнадцать лет сопровождавшим меня. Посередине его острой мордочки виднелась идеальная черная точка (отсюда и его имя¹⁵), а от его умных янтарных глаз ничто не ускользало. Иногда это меня смущало.

– Не смотри на меня так. Пока я не могу рассказать о том хаосе, что творится в моей голове, иначе люди подумают, что я окончательно свихнулся, – пробормотал я в его сторону, когда мы вышли на Марсово поле. Дело в том, что, помимо меня и моих людей, никто не видел Дота и остальных *Прыгающих по слогам*. Никто точно не знал, откуда они взялись, когда они просто появились во время инициации нашего клана, или что их выманило из глубин *Мондии* – Мировой библиотеки и центра моего дома. Никто не мог сказать, почему те, кто был с ними связан, слышал их голос, как эхо в голове, но вот вопросы нужно было задавать вслух. Одна загадка за другой – и ни на одну не было нормального ответа.

– Лучше расскажи, куда ты меня ведешь.

Полярная лиса слегка повернула голову, и секунду спустя в голове раздался его голос, заполнивший каждый уголок:

– *В то место, где ты найдешь то, что ищешь.*

Я фыркнул и ускорил шаг, когда ускорился и Дот, и происходило это в хаосе из туристов и местных жителей перед Эйфелевой башней.

– Как загадочно, тебе под стать, дружище.

– *Ты спросил, а я ответил.*

– Нет, ты рассказал одну из твоих искаженных мудростей. Где *дубликатор*, Дот? И только не говори мне, что на Эйфелевой башне.

Пожилая дама с типичным пуделем бросила на меня суровый взгляд, решив, что я разговариваю сам с собой, и поэтому я на всякий случай вставил в ухо беспроводной наушник.

– *Он не на Эйфелевой башне, Казимир.* – Я мог бы поклясться, что мудрый *Прыгающий по слогам* закатил глаза.

– Как остроумно.

Вместо ответа Дот еще больше ускорился, и теперь мы практически бежали. Однако в отличие от песка у меня были трудности, связанные с задачей не врезаться в других людей.

– Эй! Дот, не так быстро, черт тебя побери!

Я встал на брошенный скейтборд и резко свернул налево, едва успев заметить белый кончик хвоста. Тут я и врезался в кого-то. Раздался тихий стон, и я хотел оглянуться в поисках того человека, но Дот уже давно исчез в толпе, и у меня не было времени на мою преграду. Я молча двинулся вперед, следуя внутреннему компасу, пока не нашел знакомый силуэт Дота. Как же мне хотелось свернуть его пушистую шею.

– Что за черт? Ты хочешь сбежать от меня?

Дот поднял лапу и принялся неспешно чесать за ухом.

– *Мне всегда беспокойно из-за таких толп.*

– А тут что, лучше? – с сомнением спросил я и глянул на большое пространство перед Эйфелевой башней, заполненное людьми.

– *Приемлемо.* – Он перестал чесаться и выпрямился. – *Нужно двигаться дальше. Дубликатор не должен оставаться в руках постороннего.*

– Иногда ты и правда выводишь меня из себя, слышишь, Дотти?

¹⁵ Dot (англ.) – «точка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.